

Глава 4. РТИ В 60-Е ГОДЫ. А.Л. МИНЦ

А.Л. Минц

Я пришел в Радиотехнический институт (РТИ) в конце 1963 года. Принимал меня на должность «и.о. старшего научного сотрудника» сам академик Александр Львович Минц.

До этого, после окончания радиофакультета МАИ в 1957 году, я работал инженером «Проблемной лаборатории» (были одно время и такие) при кафедре М.С. Неймана в МАИ, где весной 1963 года защитил кандидатскую диссертацию.

На той же кафедре работала преподавателем Нина Васильевна Трунова, которая познакомила меня со своим мужем – «большим начальником в институте Минца» – начальником тематического отдела РТИ Виктором Сауловичем Кельзоном. Он сказал мне, что моя специализация – сканирующие

антенны – «в страшную силу востребована в РТИ» и, кроме того, Александр Львович, разумеется (!), предложит мне сразу же должность СНС.

1970 год. На переднем плане – молодой Кельзон. А закуривающий – Алексей Аркадьевич Кузмин, который к этому времени уже, кажется, был лауреатом Ленинской премии (за ускоритель в Дубне), а через несколько лет станет директором одного из двух институтов (МРТИ), на которых раздвоился РТИ после отставки Минца.

Пленку с этим и несколькими другими снимками с последнего банкета с участием А.Л. мне передал в 2005 году Л.А. Зорин.

...И вот Кельзон проводит меня «по списку», без пропуска через главный вход РТИ, «под козырьком» на третий этаж, который в РТИ называется вторым, в приемную директора. Практически точно в назначенное время (!) нас приглашают в кабинет А.Л. Минца...

Так началась моя тридцатилетняя работа в РТИ, продлившаяся до начала 90-х годов, времени создания «Вымпелкома» здесь же, в стенах РТИ. Да и последующие десять лет, до своей отставки с поста президента «Вымпелкома» и ухода из бизнеса, я провел в этих стенах.

ВСТАВКА-ОТВЛЕЧЕНИЕ

Комплекс зданий РТИ на улице 8-го Марта (а рядом были – и, кажется, есть – еще улицы с названиями типа «Вторая, Третья и т.д. улицы 8-го Марта»?!), был в 60-е годы примерно таким же, как и на этой фотографии 80-х годов. Разве что улица выглядела более провинциальной – виднелись шпалы трамвайных путей, напротив РТИ – деревянные домишки, редкое движение, вместо деревьев по фронту зданий – кустики.

Четырехэтажное здание, часть которого видна на снимке, ранее принадлежало Тимирязевской сельскохозяйственной академии, и в нем, как говорили старожилы, размещался факультет животноводства. Отсюда название корпуса – «быки».

В «быках» размещался, кроме всего прочего, партком. Когда после известных исторических событий помещения парткома стали пустовать, в них разместилась небольшая группа людей, образовавшая вскоре «Вымпелком».

Наступили другие времена... Вот как стала выглядеть улица со странным названием «8-го Марта» в конце 90-х годов.

Вот сюда я приходил на работу почти каждый день 40 лет... Я жил вблизи станции «Речной вокзал» и иногда в выходные дни, едучи на метро не на работу, а в центр, ловил себя на том, что, задумавшись, я автоматически вышел из метро на несколько остановок раньше и иду привычной дорогой от метро «Аэропорт» по Авиационному переулку в сторону РТИ.

Между прочим, линия метро до Речного вокзала была открыта на новый 1965 год, а моя семья стала жить в районе Химки–Ховрино в 1962 году, когда там не только метро, но и магазинов не было. Единственный транспорт – 6-й троллейбус до Сокола... Грязь непролазная... Всё это, впрочем, мало сказывалось на радостном в целом ощущении бытия.

Вот пара фотографий одного и того же района Химки–Ховрино в 60-е годы, когда моя семья туда переехала, и в наши дни. Церковь стоит на пересечении Фестивальной и Смольной улиц. В 60-е годы этих улиц еще не существовало, а церковь украшала село Аксиньино.

...Во времена «Вымпелкома» я на метро уже не ездил... В хорошие дни автомобиль подвозил меня ко входу в Тимирязевский парк на пересечении Тимирязевской улицы и Красностуденческого проезда. (Названия же..., прости господи). Далее – около двух км пешком до РТИ, ранним летним утром по великолепным пустынным аллеям. В советские времена, времена РТИ, я тоже ходил иногда этим маршрутом, но не утром... Если мне когда-либо пришло что-либо путное в голову, то это было во время таких прогулок вот по этим аллеям.

Прежде чем высказывать свои впечатления, суждения, воспоминания об Александре Львовиче и нашем (его) институте, скажу несколько слов о своих первых карьерных ступеньках и колокольнях, с которых я мог в те далекие годы обозревать происходящее.

Я начал свою работу в РТИ в лаборатории Лени Зорина, а фактически в небольшой группе «ведущих инженеров», образующих аппарат главного конструктора РЛС 5Н12Г (ДОН-Г) и начальника одной из лабораторий того же отдела, имя которого я зашифрую буквой Р. В дальнейшем эта дециметровая РЛС получила сантиметровую приставку, которая со временем превратилась в РЛС ДОН-2Н – информационное ядро системы ПРО Москвы (системы «А-135»).

А это мой первый начальник в РТИ. Леонид Зорин. 1970 год. Последний прощальный банкет с А.Л.

В этой группе я был ведущим инженером по антенным системам РЛС. Моей обязанностью было взаимодействие от лица главного конструктора с отделом 52 – разработчиком антенн. Технические решения, предлагаемые разработчиками, нам представлялись далеко не лучшими, убедить разработчиков в этом не удалось. Довольно быстро внутри тематического отдела мы сами занялись энергичной разработкой конкурентного варианта, который в конечном итоге был принят. Кое-какие заметки об этих разработках и их авторах приведены в моей статье в сборнике Н.Г. Завалия: «Очерки истории ракетно-космической обороны» (Москва. Вече. 2003).

Решение о выборе варианта с подачи Р. принимал сам Минц, который вообще активно интересовался ходом всех работ по этой РЛС. У меня даже создавалось впечатление (может быть, и ошибочное), что к антенным разработкам он проявлял повышенный интерес. В частности, по команде Минца

нам была открыта «зеленая улица» в опытном производстве РТИ по изготовлению макетных образцов основных элементов предложенной антенной системы. Между прочим, в те времена просто повышенный интерес Александра Львовича к каким-либо работам, выходящий за пределы обычного для него обхода лабораторий, сразу же становился известным в институте и благотворно сказывался на взаимодействиях с вспомогательными службами: опытным производством, отделом снабжения,

метрологическим отделом, который управлял парком измерительных приборов. Заниматься экспериментальными работами в тематическом отделе, самыми сложными приборами в котором были телефонные аппараты на столах и логарифмические линейки, было несколько экзотично. Вскоре я был вызван в кабинет Александра Львовича, и мне было предложено организовать и возглавить лабораторию в антенном отделе, которым в те времена командовала весьма яркая женщина – Наталья Георгиевна Орлова, активно поддерживавшая предложение.

Наталья Георгиевна Орлова между двумя сотрудниками созданного Минцем Теоротдела РТИ – известными радиофизиками Михаилом Львовичем Левиным (как и Орлова – курит) и Сергеем Михайловичем Рытовым, будущим член-корреспондентом АН СССР. Авторы ставшей классической монографии «Статистическая радиофизика». А хрестоматийные «граничные условия Леонтовича-Левина»! Ученому, интеллигенту, Личности, М.Л.Левину посвящена прекрасная книга – сборник воспоминаний о нем, изданная первым изданием в Нижнем Новгороде в 1995 году. Горячо рекомендую. Статьи-воспоминания в этом сборнике местами достигают уровня большой литературы.

Забавно, что, по словам Орловой, поддержка этого предложения не означает, что она была его инициатором. («Не могла же я заниматься переманиванием сотрудников Кельзона!»), хотя, кажется, были и другие причины).

Банкет после того самого капустника.

Были у меня две возможности увидеть Александра Львовича и в неформальной обстановке.

Первая возможность случилась, когда я получил из рук Орловой лестное для меня, новичка РТИ, приглашение на закрытое заседание НТС «О работе научных отделов», а фактически – капустник по случаю 70-летия Минца (17 января 1965 года). Ничего похожего по концентрации остроумия и симпатий к юбиляру мне не приходилось видеть и слышать ни до, ни после. Впрочем, pardon. В 2004 году я побывал на капустнике

по случаю 70-летия Евгения Григорьевича Ясина. Вот единственный известный мне на сорокалетнем интервале юбилей, ставший, на мой взгляд, явлением того же порядка, что и тот, Минцевский.

Приведу текст блистательной миниатюры Михаила Львовича Левина, одной из жемчужин капустника.

МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ ЛЕВИН

**А.Л.Минцу,
красноармейцу и основателю РТИ**

Радиодивизион¹

(глава из "Конармии" И.Э.Бабея, найденная к 70-летию А.Л.Минца)

Пружина окрепшей польской стратегии вытягивалась со злобным свистом. Нас теснили. Впервые за всю компанию мы испытали на своей спине дьявольскую остроту фланговых ударов – укусы того самого оружия, которое так счастливо служило нам.

Буденный в красных штанах с серебряным лампасом стоял у дерева.

– Ребята, – сказал Буденный, – у нас плохая положения. Корочаев-гад радиодивизион полякам бросил. Требуется возвратить.

– Поинтересуюсь узнать, – закричал вдруг дико Афёнька Бида, – поинтересуюсь узнать, подходяще ли оно нам или не подходяще, что когда враг тиранит нас невыразимо, когда враг бьет нас под самый вздох, когда он виснет грузом на ногах и вяжет змеями наши руки, подходяще ли оно нам из-за разных мигалок и пищалок коней терзать и людей тратить?

Тогда Ворошилов поднял коня на дыбы и влетел в середину эскадронов.

– Бойцы и командиры, – сказал он со страстью, – в Москве, в древней столице, борется небывалая власть. Рабоче-крестьянское правительство, первое в мире, по тому радиотелеграфу все свои приказы нам дает и, обратно, о наших всемирных победах донесения имеет. Нам без того радио – никак. Делай, командарм!

– Возвернешь Минца – твоя бригада, – сказал Колесникову командарм с ослепительной своей усмешкой. – Понял?

– Понял, – ответил Колесников, выпучив глаза, – согласно долгу революционной присяги.

– А не возвернешь – расстреляю, – сказал командарм, улыбнулся и отвел глаза в сторону начальника особого отдела.

– Слушаю, – сказал начальник особого отдела.

Михаил Львович Левин – начальник лаборатории теоретического отдела.

Александр Львович Минц – основатель и первый директор РТИ АН СССР.

¹Во время гражданской войны А.Л.Минц командовал радиодивизионом Первой Конной армии.

Буденный стремительно повернулся на каблуках и отдал честь комбригу. Тот растопырил у козырька пять красных юношеских пальцев, вспотел и ушел по распаханной меже. Лошади ждали его с ста саженьях. – Душевный малый, – сказал командарм, – ищет чести. Надо полагать, возвратит.

* * *

Палатка и линейки брошенного радиодивизиона стояли на кочковатом поле в трех верстах от Замостья. Дым потаенного убийства бродил вокруг.

Светало. Под крайней линейкой сучил ногами во сне солдат-мотор, полночи крутивший велосипедный станок радиостанции.

К палатке подъехала Сашка, опухшая Сашка, сестра тридцать первого кавполка, дама всех эскадронов.

– Сомневаются бойцы, – сказала она, слезая, – есть думка, бросили нас. Может по вашей хреновине что отстукали? – и она заковыляла вперевалочку к запахнутому входу палатки.

– Отваливай, – закричал караульный казачок Степка Дуплищев, – к Минцевым установкам без особого допуска пускать не велено.

– Я, небось, вас, сопливых, пускаю, – пробормотала Сашка, – Без допуску пускаю. Сделаемся, што ль?

– Ну что ж, тогда сделаемся, – ответил Степка и откинул полу у входа.

За столом, среди волшебного блеска радиостанции, спал, положив голову на телеграфный ключ, Минц. Сны прыгали вокруг него, как котята.

– Проснется – спросишь, – грубо прошептал Степка, – а пока отваливай. Сморило его, почитай всю ночь, как дятел, стучал. Ну, чистый Маркони!

– Это он сам ключом действует? – изумилась Сашка, – вас, значит, жалеет.

– Жалуют они, очкастые, нашего брата, как кошка мышку, – просипел из-под линейки проснувшийся солдат-мотор.

– Обратите маленькое внимание, – бледнея, перебил его Степка, – это все, что он ногами накрутил, теперь обратно через голову выходит. Заместо мыслей.

– Кончай лаяться, поляки пришли, – закричал Гулимов, и сразу стало слышно великое безмолвие польской лавы.

Из палатки вышел Минц.

– Есть такая надея у нас, Александр Львович, что не отобьемся, – сказал Степка.

– Отобьемся, – ответил Минц, – главное, ихних лошадей ужаснуть, тогда беспрерменно повернет лава.

И его осмотрительное мужество и хладнокровие, походившее на рассеянность мечтателя, сотворили чудо – дрогнула польская кавалерия, и подоспевшие эскадроны Колесникова рубили уже уходившую в беспорядке шляхту.

Мне довелось видеть Минца в тот же день, через час после того, как поляки были уничтожены. Он ехал впереди радиодивизиона, один на белом жеребце, и дремал. В десяти шагах от него Степка Дуплищев вез антенну.

В тот день в посадке Минца я увидел властительное равнодушие татарского хана и распознал выучку своевольного Ломоносова, прославленного Фарадея, пленительного Лебедева.

Да, еще вспомнил одну деталь того капустника, а точнее говоря, последующего банкета. Вроде бы, если мне это не приснилось, Минц, окруженный сотрудниками, сказал в ответ на какой-то вопрос, что он был трижды арестован и только дважды амнистирован. Так ли это?

Вторая возможность увидеть Минца в неформальной обстановке представилась в том же 1965 году, когда я сам имел честь пригласить Александра Львовича на банкет по случаю присуждения премии им. А.С. Попова АН СССР коллективу авторов изданной в 1964 году в МАИ книги «Сканирующие антенные системы СВЧ». В этом сборнике статей были собраны работы аспирантов двух профессоров, крупных специалистов в антенной

технике – Льва Николаевича Дерюгина и Льва Давидовича Бахраха. К моменту получения премии один из авторов – я – работал в институте Минца, а еще один – Миша Кузнецов – у Кисунько. Видимо, никто из авторов, включая всезнающего Бахраха, не знал о сложных взаимоотношениях Минца и Кисунько и пригласили их обоих. Встретить друг друга на этом банкете для них оказалось, похоже, неожиданностью. Впрочем, все обошлось, и было очень мило. Банкет проходил в зале «Балатон» ресторана «Будапешт». Всей премии (1500 рублей) в обрез хватило на банкет. Бахрах исполнил на рояле «Мурку», что было некоторым вольнодумством по тем временам. Между прочим, Бахрах вскорости стал неформальным главой школы советских антенщиков и был избран член-корреспондентом АН СССР при решающей роли в этом избрании А.Л. Минца.

На банкете тепло встретились два старых и давно не встречавшихся знакомых – Александр Львович Минц и зав. кафедрой радиопередающих и антенно-фидерных устройств МАИ (на которой я работал до РТИ) Михаил Самойлович Нейман.

Я стал свидетелем интересного разговора между этими двумя почтенными деятелями. (Получил приглашение «посидеть с двумя стариками». Впрочем, обо мне они быстро забыли.) Нейман говорил, что ему наибольшее удовлетворение доставляет «созерцательность». Действительно, было заметно, что выполнение даже не слишком хлопотных административных обязанностей заведующего кафедрой не доставляли Нейману удовольствия. Мне кажется, что он тяготел к деятельности ученого-одиночки. Список его ученых трудов содержит сравнительно мало для завкафедрой статей и книг в соавторстве.

Минц же сказал, что ему нравится не столько созерцательность, сколько «созидательность».

Для меня и, видимо, не только для меня, любой разговор с Александр Львовичем был праздником. Я сейчас даже не берусь объяснить причины. Наверное, это обаяние Личности.

Роль Минца в институте и его проектах я бы охарактеризовал как роль вождя, полководца. Это нечто другое, чем роль научного руководителя, генератора идей, главного конструктора. Ни одна из этих дефиниций к Минцу не подходила или, по крайней мере, ими нельзя было ограничиться. Сейчас, после многих публикаций о других творцах советской науки и техники, я вижу кое-какие общие черты в стилях работ Минца, Королева, Курчатова.

Институт начинал работать в 8.15. В 8.00–8.05 «ЗИМ» Минца был под входным козырьком РТИ и директор, здороваясь на ходу, шел в свой кабинет. Это автоматически хорошо дисциплинировало всех.

...Если тебе был назначен прием директором, то приглашение в кабинет следовало точно в назначенное время. Я ни разу не видел толпы, очереди в приемной. Подобную пунктуальность большого руководителя я потом встретил лишь один раз – почти так же точен (но все-таки лишь почти) был Владимир Борисович Булгак – министр связи, а затем и вице-премьер России.

...Прощаясь с любым посетителем, будь то генерал или уборщица, Минц вставал и провожал его до двери.

Сам Минц не курил, однако в его институте запретов на курение на рабочих местах не было («Пусть лучше курят на рабочих местах, если не возражают другие, чем тратят время в курилках»).

Минц был беспартийным, и роли парторганизации при нем я не замечал. Так, при моем приеме на работу на должность СНС и, затем, назначение начальником лаборатории, о согласовании этих решений Минца с парткомом смешно было даже подумать. Сам я, кстати, тоже прожил жизнь беспартийным. А одно короткое время был, говорят, чуть ли не единственным беспартийным начальником отдела.

Игорь Каплун

Через несколько лет, когда Минца уже не было, настали другие порядки, роль парткома резко возросла. Так, должность старшего научного сотрудника стала номенклатурой парткома. При моей попытке принять на эту должность в свой отдел толкового парня – Игоря Каплуна, партком не дал согласия, несмотря на согласие директора. Добрая душа зам. директора Лев Глинкин при мне звонил секретарю парткома, кажется Катышеву, прося его рассмотреть этот вопрос вторично, доказывая при этом, что «Каплун – это совсем не Каплан. Каплун по-украински все равно, что Ошанин по-русски». Знающие да оценят!

Хороший человек Олег Ошанин, в то время назначенный начальником крупнейшего тематического отдела, зам. главного конструктора, находился на вершине своей карьеры. С трудом разыскал в своем архиве его непарадный портрет. Вот он, в обществе двух жен – его и моей. Публикуется впервые. Интересно, он вспомнит, где и когда был сделан этот снимок?

Со второй попытки беспартийный Игорь прошел с перевесом в один голос. Потом Каплун оказался в числе тех 0,1% сотрудников РТИ, которые смогли создать успешные бизнесы.

Уж если говорить об этих всего-то нескольких успешных бизнесменах, выходцах из РТИ, то как не вспомнить ветерана РТИ Вадима Зеленина. Личность яркая, активная, и очень мне симпатичная. Смотрите, как он умеет радоваться жизни.

Семейство Зелениных прославляет и его сын – Дмитрий. В недавнем прошлом – бизнесмен; сейчас – Тверской губернатор, создатель авторитетной общественной организации – Ассоциации менеджеров. Правда, тематика одного из последних в 2005 году круглых столов Ассоциации – «Власть и бизнес вместе против коррупции» показалась мне лукавой. В формулировке темы уже чувствуется аромат нашей власти. Сохраняя логику названия, я переформулировал эту тему так: «Насильники и насилуемые вместе против изнасилований». Эта моя реплика вызвала оживление в зале, но не возражения.

Обращает на себя внимание упомянутая выше цифра – 0,1%. Только 0,1% людей, выходцев из элитного предприятия ВПК, сумели создать успешные фирмы, освободили государство от многих сотен, а вскоре и многих тысяч бюджетных иждивенцев. А в США, как я где-то вычитал, имеют свой бизнес, выходящий за масштабы семейного, около 4% трудоспособного населения.

Ну да это так, к слову. Информация к размышлению.

При Минце я не мог себе даже вообразить, что в его кабинете, как и в кабинетах его заместителей, возможно услышать мат. Такая же чистота речи была и у моих прежних руководителей – Неймана, Дерюгина, Бахраха. Отсюда появилась моя наивная и недолгая вера в нормативный литературный стиль речи любого начальства.

Довелось мне видеть Минца в роли, которой лучше бы не было. В августе 1968 года он, стоя на ступеньках крыльца института, выходящего во двор, проводил митинг поддержки акции ввода войск в Чехословакию. Глядя на него, становилась понятна вынужденность этой роли.

У меня, да и не только у меня, именно тогда, осенью 68-го, улетучились остатки комсомольских иллюзий по поводу нашей политической системы.

Среди молодых сотрудников РТИ выделялись два человека, которых Минц одно время рассматривал как своих преемников: Атланта Васильева по ускорительной тематике и Р. по радиолокационной. Я сейчас не могу вспомнить, откуда мне это стало известно, но то, что это было так, я уверен. Кажется, об этом и сам Минц говорил.

Атланта Васильева я совершенно не знал и не знаю, а вот с Р. меня судьба свела на несколько лет достаточно плотно. Мы были почти ровесники – я на год моложе Р. Я не только начинал свою работу в РТИ в роли одного из ведущих инженеров его штаба главного конструктора, но и в течение нескольких лет мы вместе занимались водными лыжами (тогда – новинка спорта).

Слева – Строгинская бухта. Середина 60-х годов. Одна из первых в Москве водно-лыжных секций, организованная Р. – первым Главным конструктором РЛС «Дон». (Сидит первый; вид со спины). Справа – то же место сегодня, почти сорок лет спустя.

На спасательной станции «Серебряный бор» организовали мини-цех по изготовлению из эпоксидки самодельных катеров-буксировщиков. В этом деле Р. тоже был заводилой.

На этой спасстанции до сих пор красуется наш тельфер для спуска катеров на воду.

Спасстанция «Серебряный бор». 2004 год. Почти 40 лет тому назад мы часто проводили здесь дни и ночи, выклеивая из эпоксидки катера в этих сараях. Я с тех пор здесь не был. Здесь ничего не изменилось! А тельфер был построен на деньги, отпущенные на противоракетную оборону.

... Я же был в числе немногих, присутствующих на отпевании Р. во Всехсвятской церкви на Соколе в декабре 1999 года. Немножко удивился самому факту отпевания его в церкви. Впрочем, это вряд ли он решал. А может, я не знал до конца о его мировоззрениях или он их резко изменил на старости лет.

С первых дней знакомства Р. поражал меня своей технической эрудицией, фонтаном интересных идей, изобретательностью, бешеной энергией, которой он заряжал всю группу ведущих инженеров. Я до сих пор с удовольствием вспоминаю эту сладостную каторгу работы с Р., помню его блистательные полемические выступления на НТС и различных совещаниях в обоснование и защиту тех или иных технических решений, как, например, адекватности решаемым задачам импульсной, а не непрерывной радиолокации (о, детские времена радиолокации!)

Вместе с тем, все чаще и чаще Р. становился грубым и нетерпимым в общении с руководителями других отделов. Взаимоотношения главного конструктора с большинством служб института становились заметным фактором, тормозящим работы.

А затем дело приняло вообще гадостный характер. Р. пошел войной на самого Минца, написав в ЦК гнусное письмо, обвиняя Минца в сионизме и пренебрежении национальными интересами.

Минц тяжело переживал недостойное поведение, предательство одного из своих любимцев, который демонстрировал редкий пример перерастания увлеченности, азарта в истеричный, аморальный и параноидальный фанатизм и агрессивность.

Это было тяжелой травмой и для нас, сотрудников Р. Ведь почти все мы были сперва просто влюблены в своего блистательного Главного конструктора.

В 1965 году Р. был освобожден от обязанностей главного конструктора, а в конце 60-х ушел, фактически был изгнан из РТИ и перешел в НИИРП, где его деятельность тоже сопровождалась чередой скандалов.

Скандал с Р. вышел боком и безобиднейшему Кельзону, который лишился должности начальника отдела.

В 1970 году, после организации ЦНПО «Вымпел» и, несмотря на возражения Минца, переподчинения РТИ этому объединению, Александр Львович ушел в отставку, а 24 декабря 1974 года его не стало.

Надо, наверное, сказать несколько слов о судьбе наследия Александра Львовича за 20 с небольшим лет – от его ухода и до развала СССР и перехода РТИ в частные руки. (Сейчас РТИ является собственностью империи Е.П. Евтушенкова – АФК «Система». От этого известия будённовец и академик А.Л. Минц, наверное, перевернулся бы в гробу, но я думаю, что реально это совсем не худший вариант для РТИ.)

За эти годы РТИ были созданы одни из самых грандиозных свершений отечественной радиоэлектроники – несколько типов РЛС систем СПРН и одна (но какая!) стрельбовая РЛС «Дон-2Н» системы ПРО Москвы.

Задачи, решаемые СПРН и системой контроля космоса, представлялись тогда (да и сейчас) вполне осмысленными. Что же касается самой идеи создания весьма сложной и разорительно дорогой системы ПРО одного города – Москвы – от несогласованной с противником модели ядерного нападения несколькими ракетами в облаке ядерных взрывов и ложных целей, то это вопрос более дискуссионный. Интересную проблему создает и невозможность проведения полномасштабных испытаний созданной системы. Последнее, по-видимому, не может не создавать особую обстановку при согласовании решений об успешном завершении создания системы ПРО.

За эти же двадцать лет в стране нарастали явления, приведшие к ее распаду. Эти явления разворачивались в радиоэлектронике вообще и в РТИ в частности, может быть, даже более ярко и выпукло, чем в других местах. Если мы хотим, наконец, хоть чему-то научиться на примере собственной истории, то эти явления надо помнить, описывать и изучать.

Мне кажется, что на послевоенные лет двадцать – двадцать пять (до конца 60-х – начала 70-х, когда еще работали знаменитые теперь «секретные академики» – создатели известной военной триады, в том числе и академик Минц), приходится вершина советских научно-технических достижений, последний рывок эпохи догоняющей, мобилизационной индустриализации, последняя попытка демонстрации конкурентоспособности советской системы, да и то лишь в сфере ВПК.

Далее – нарастающее отставание от Запада, в особенности в области радиоэлектроники и вычислительной техники.

Можно лишь порадоваться за Александра Львовича, что он уже не мог видеть, как начинает гнить и разлагаться система, становлению которой он отдал всю свою жизнь.

Причинам отставания, а затем и развала Советского Союза, посвящены горы литературы. Я отмечу здесь лишь пару специфичных обстоятельств.

Где-то в середине 60-х годов произошла не замеченная в СССР техническая революция – уровень высоких технологий, востребованных рынком, стал превышать требования военных чиновников. Пример здесь показала Япония в области бытовой радиоэлектроники. Вскоре стало очевидным безнадежное отставание и в области информатики и вычислительной техники. Вспоминаю, что на фоне появления на Западе персональных компьютеров, ставших со временем бытовой техникой, у нас в РТИ режимный отдел перед праздниками стал опечатывать пишущие машинки, пытался запретить использование первых плохеньких зеленоградских калькуляторов как «неучтенных носителей секретной информации» и т.п. Само слово «персональный» несло какой-то антисоветский душок; первые отечественные устройства такого рода, о которых теперь мало кто помнит, назывались «мини-ЭВМ».

Я уже однажды описывал, как у меня в отделе появился первый в РТИ зарубежный персональный компьютер, какая была многодневная процедура оформления разрешений на право его включения, и как это разрешение было наконец получено. Это разрешение содержало пункт, запрещающий разговоры на служебные темы в присутствии компьютера (пардон, «в присутствии мини-ЭВМ»).

Риторический вопрос: длительное пребывание толкового инженера в обстановке идиотизма скажется или нет на его способностях? А такие позорные явления, как обыски?

Со временем возрастала роль бюрократии, усиливалось торжество нелепого режима секретности над эффективностью и здравым смыслом, исчезали лица, имеющие право принимать решения: все тонуло в бесконечных согласованиях всего и вся. Даже утверждающая подпись директора института и главного конструктора означала лишь право на очередной виток согласования «утвержденного» документа с военным представительством, а иногда и с собственной службой режима. Стремительно падала производительность труда. «Безработица по ту сторону проходной», «наша деятельность настолько секретна, что мы и сами не знаем, чем занимаемся», «не суетись, отдыхай; наша деятельность и так обречена на успех» – вот расхожие шуточки 80-х годов.

Конец известен.

Приведу один из множества примеров «научной деятельности».

Почти неограниченные средства, выделяемые на радиолокацию, привлекли к антенным и СВЧ-измерениям целые предприятия, которые подняли эту важную, но локальную техническую задачу на высоту государственной. Дело дошло до того, что в 70-х годах в солнечном Ереване был создан ни много ни мало Всесоюзный (!) научно-исследовательский институт радиоизмерений (ВНИИРИ). Формально он был в системе Госстандарта, фактически его хозяином был его создатель по имени... ну пусть Менелай Парисович. Его статус в Ереване как директора Всесоюзного института был высок: только приезжающих в его институт встречал автомобиль прямо у трапа самолета.

О, незабываемые командировки в Ереван! Гарни, Эчмиадзин, Гехард... А маленькие кофейни в тенистых уголках Еревана рядом с фонтанчиком... А придорожные шашлыки и люля-кебаб с молодым вином... А озеро Севан... А продукция Ереванского коньячного завода в неограниченном количестве... Если бы не Менелай Парисович, я бы, наверное, так и не увидел бы этих красот солнечной Армении, в которой я с тех больше ни разу не был. Сотни и сотни военных и гражданских работников ВПК горячо поддерживали деятельность этого института и готовы были заключать с ним договора на любые суммы. Все равно эти деньги никто не считал.

Основным занятием этого института было создание новых методик измерений и аттестаций антенн. Для этого на горе Арагац, в трудных условиях высокогорья, не считаясь ни с какими затратами, построен громадный полигон, куда предлагалось свозить всю советскую антенную технику для измерений и государственной аттестации.

Ну, это уже некоторым стало казаться слишком круто.

Тем не менее, командировки к Менелай Парисовичу продолжали рассматриваться как один из видов поощрения ударников коммунистического труда.

Вот, на этом высокогорном полигоне небольшая делегация от РТИ. Это, между прочим, мои аспиранты. Справа от меня – Валентин Лосев, а слева – Феликс Айзин. Судя по нашей молодости – не позднее начала 80-х годов. Лосев, к концу XX столетия ставший лауреатом Ленинской премии, продолжал трудиться в РТИ, Айзин – лауреатом не стал, но работает в «Вымпелком».

Потом в институте Менелая были созданы разнообразные, нигде в мире не существующие эталоны, из которых самыми впечатляющими были эталоны КНД (коэффициента направленного действия; безразмерная величина) и фазы (то есть, угла).

Вдумайтесь, мой читатель! Если вы даже гуманитарий, то все равно должны еще со школы знать о существовании мировых систем мер типа «метр-килограмм-секунда» и мировых стандартов на эти фундаментальные единицы измерений. Но «всесоюзный эталон» БЕЗРАЗМЕРНОГО КОЭФИЦИЕНТА!!! Ради этого строить высокогорный полигон! ЭТАЛОН УГЛА!!! Последний представлял собой отрезок стандартного, но позолоченного трехсантиметрового волновода, уложенного в бархатный футляр. Был и «ученый смотритель фазы» в звании к.т.н. с соответствующей зарплатой. На многочисленных всесоюзных конференциях в Ереване с участием гражданского и военного бомонда и продукции Ереванского коньячного завода Менелай неоднократно подчеркивал, что и в вопросах антенных измерений мы давно обогнали американцев и впереди планеты всей.

И однажды, то ли прозрев, то ли протрезвев, я не выдержал. На одной многолюдной конференции предложил Менелая усилить превосходство советской метрологии, создав эталон толщины и эталон глубины, как развитие хранящегося где-то в Париже эталона длины. Хохот зала не отразился на потоке финансирования этого ученого заведения.

А вот меня после этого Менелай стал меньше любить...

Я думаю, что сейчас на этом полигоне пасутся козы, любясь развалинами циклопических сооружений.

И это, ребята, не регресс. Это прогресс.

Органические пороки советской системы – отсутствие частной собственности и конкурентного образа жизни – нигде не проявились столь резко, как в бурно развивающихся радиоэлектронике, информатике и вычислительной техники. Два порока лежали на поверхности:

- принципиальная неспособность единственного заказчика – планирующей все и вся номенклатуры – сформулировать требования к инженерному корпусу в части разработки новой техники;

- низкий организационно-технический и научный уровень работ отечественных НИИ, заводов, да и вообще всего инженерного корпуса, лишенных жесткой школы обучения и выживания в ежедневной конкурентной борьбе на свободном рынке. (Между прочим, отсюда правило – не следует давать госзаказ фирме, которая не проявила себя на конкурентном, обычно гражданском рынке).

Провальное отставание в бытовой радиоэлектронике, информатике и вычислительной технике не могло не потянуть за собой отставания и в военной радиоэлектронике. Однако, судя по опубликованным воспоминаниям деятелей ВПК, это отставание не оказало угнетающего влияния на уникальные разработки РТИ и, в том числе, на единственную в своем роде РЛС системы ПРО Москвы.

Директор РТИ и главный конструктор этой РЛС Виктор Слока пишет: «Радиолокатор «Дон-2Н» имеет рекордные характеристики. США не обладает радиолокатором, подобным «Дону» по дальности, точности, возможностям наблюдения и селекции малоразмерных космических целей...» (Михаил Первов. «Системы ракетно-космической обороны России создавались так». Москва. Авиарус XXI, 2004).

Мне особо приятно читать такие заявления, так как я тоже причастен к созданию этой рекордной РЛС, был заместителем главного конструктора по приемной антенной системе и получил за это Государственную премию. Приятно сознавать, что у советских разработчиков компьютеров, телевизоров, магнитофонов и прочей бытовой дребедени мировых рекордов не получилось, а у родного РТИ в области радиолокации ПРО – получилось. Хотелось бы, правда, услышать это не только из уст его гражданских или военных создателей, но независимых оценок я не встречал.

И еще – не пытались ли мы ставить рекорды в области (ПРО мегаполиса), в которой с нами соревноваться никто не собирался и не собирается?

В конце ноября 2004 года я неожиданно встретился с Леонидом Зориным, с которым не виделся десятки лет. Тогда, 40 лет тому назад, он был совсем молодым парнем, начальником лаборатории в тематическом отделе, у которого я начал свою карьеру в РТИ. Он пользовался безусловной и, как мне кажется, заслуженной симпатией Минца.

Я попросил его прочесть мои воспоминания и высказать свои замечания. Вскоре я их получил и, с его согласия, их полностью привожу.

«Здравствуй Дима!

Прочел твою статью. Взволновался. Потом долго не мог заснуть.

Хочу высказать два замечания.

Первое. Ты ничего не говоришь об Александре Львовиче, как о «генераторе стратегических идей». По-моему об этом нельзя не сказать в этой статье, хотя она и посвящена другим вопросам. Два факта:

- Уже тогда, когда только испытывались на полигоне экспериментальные станции РАИ АН (а не РТИ, это РТИ Александр Львович очень не любил), ОКБ 30 и Преображенки (не помню, как они назывались), Александр Львович понял безнадежность усилий по созданию ПРО в условиях массированного удара, понял, что нужно искать другое решение проблемы. Он, насколько я могу судить, первым поставил перед правительством вопрос о создании системы СПРН. В письме на имя Устинова – в то время председателя ВПК – он писал о необходимости создания «системы разведки» с целью обеспечения неотвратимости ответного удара. Это короткое письмо я читал, может быть его и сейчас можно найти в архивах РАИ. Термин «разведка» – из этого письма.

- Именно Александр Львович, анализируя все наши искания, сказал, что длина волны должна быть короче той, которую мы рассматривали. Более короткая длина волны и явилась решающим фактором в нашей победе на конкурсе и фундаментом последующих достижений.

Второе. Величие Александра Львовича состоит в том числе и в том, что он сумел создать институт и творческую обстановку в нем, несмотря на все усилия ЦК освободиться от беспартийного руководителя, которого не удастся поставить по стойке смирно. (А попытки найти благовидный предлог бывали. Первым в КГБ писал В.М. Лупулов с теми же приблизительно обвинениями, что и Роман. Это было еще в Радиолоборатории АН СССР. Были и другие «радетели за безопасность»). Способность Александра Львовича создать творческую атмосферу в любых условиях не очень чувствуется в твоей статье, а может быть, я ошибаюсь. Только мне не доводилось где-либо наблюдать подобное. Может быть, только у П.Л. Капицы и И.В. Курчатова, портрет которого всегда висел в кабинете Александра Львовича. (Не для статьи, а для себя вспомни, слышал ли когда от Александра Львовича какие-либо упреки в адрес Лупулова.)

Л. Зорин

P.S.

Александр Львович действительно был трижды осужден и только дважды амнистирован. Выпустили его весьма своеобразно, или скорее «предусмотрительно», но это не для этой статьи. При случае могу рассказать, что я слышал по этому поводу от Вейсбейна.

Не столь безобидно выступал В.С. Кельзон, да и некоторые другие, в период работы комиссии по письму Романа, но об этом упоминать не стоит. Хотя это лишний раз подчеркивает способность Александра Львовича сплотить людей с самыми разными наклонностями на решение творческой задачи.

Извини, не могу избавиться от пафоса, когда говорю об А.Л. Минце.

Не могу не сказать «о сложных взаимоотношениях Минца и Кисунько». Вот доподлинные факты. В первом сеансе работ по юстировочному спутнику ЭВМ нашей станции выдала величину перигея меньше радиуса Земли. По этому поводу Кисунько сочинил и распевал рассчитанную на высокое начальство частушку:

Расскажу вам, как евреи

Потеряли перигеи...

Это был аргумент Кисунько в техническом споре – подведомственные ему локаторы (и его собственные и Сосульникова) вообще не сработали. Кстати, подозреваю, что Роман написал письмо в КГБ не без его влияния. Еще. На одном из совещаний под председательством В.И. Маркова среди прочих докладчиков был Лев Глинкин – действительно «добрая душа». Выступая после Льва Глинкина, Кисунько «ошибочно» назвал его Гликманом. Могу уверенно сказать, что это были «научные аргументы». И эта аргументация находила отклик как минимум в МРП. Тому есть примеры. Те же, кто не пытался прикрыть свои ошибки, неизбежные в новых разработках, говорили в другом тоне. Помню, как на совете в ВПК разработчики средств радиотехнической защиты ракет сказали буквально: «А что делать со станцией ЦСО-П, мы не знаем. Как только она включается, передатчики активных помех выключаются».

Большая часть вышеприведенного текста писалась для сборника воспоминаний об А.Л. и поэтому является в какой-то мере «сочинением на заданную тему». В ходе его написания в памяти всплыли вроде напрочь забытые эпизоды десятилетий жизни в РТИ уже после Минца, обнаружилось множество старых фото. Вот некоторые из них, продолжающие тему директоров.

ПОСЛЕ МИНЦА

Несколько эпизодов и фото из моего архива. (Не пропадать же добру.)

Директором РТИ после Минца был назначен начальник отдела ускорителей Борис Павлович Мурин. Вот его фото с последнего банкета с участием Минца.

Мне кажется, что назначение Мурина было воспринято большинством сотрудников, как неожиданное. Я же с благодарностью вспоминаю, как в последние недели своего директорства в 1977 году Мурин подписал приказ о преобразовании моей лаборатории в отдел. Это дало мне не только большую самостоятельность, к чему я стремился, но и избавило от угнетающих конфликтов с начальником отдела, внутри которого была моя лаборатория. Этот начальник был

совсем не плохим человеком, просто мы были фундаментально разные. Наше существование в одной берлоге для меня добром бы не кончилось.

Вся процедура подготовки общественного мнения и приказа о выделении лаборатории в самостоятельный отдел, проведенная в тайне от моего непосредственного начальника, была достаточно нервным и азартным приключением с далеко неочевидным результатом. Во-первых, мог вызвать возражения сам факт попытки организации в институте двух антенных отделов. Надо было найти доводы для создания таких структур, которые не сводились бы только к плохим личным взаимоотношениям. И такие убедительные доводы (правда, сейчас уже не помню какие) были найдены.

Во-вторых, надо было получить согласие не только администрации, но и партийных структур. Это притом, что я был беспартийным, а мой начальник отдела – членом парткома. Он мог запросто заблокировать проект приказа, узнай о нем. Низкий поклон и благодарность Гене Сейну – секретарю партгруппы отдела, который без колебаний завизировал приказ. Его виза была фактически решающей; после неё свою визу поставил и тогдашний секретарь парткома РТИ – Талакин.

А Гена Сейн сейчас работает в «Вымпелкоме».

...Я собрал все нужные, а еще больше – ненужные визы, от количества которых рябило в глазах, получил аудиенцию у Мурина и подписал у него судьбоносный для меня приказ примерно за час до того, как о нем узнал мой, теперь уже бывший, начальник. Он пытался заблокировать выпуск приказа, но было уже поздно.

...Сорвись тогда превращение моей лаборатории в отдел, не получишь этого часа, как сложилась бы судьба? Остался бы я в РТИ, был бы «Вымпелком»? Кто знает...

Кстати, через много-много лет всего 10–15 минут отделили момент физического получения представителем «Вымпелкома» одной судьбоносной лицензии от момента, когда поступил приказ Нового Большого Чиновника (разумеется – питерца) о запрете выдачи этой лицензии. Если бы не этот 10–15-ти минутный интервал, «Вымпелкома» не было бы. По крайней мере, в существующем виде. Подробности, может быть, когда-нибудь расскажет Валерий Фронтов. Или я. Но не сейчас.

Такие вот дела... Не думай о минутах свысока... Все надо умудряться делать вовремя.

А на этом фото следующий после Мурина директор РТИ – Виктор Слока. Горнолыжная база Чимбулак. Это над Медео. Начало 80-х годов. Смотались с нашей площадки № 8 Балхашского полигона, где строилась станция «Дон-2НП», на, как сейчас бы сказали, weekend.

Упомянув полигон, вспомнил между прочим, как за несколько лет до описываемых событий, когда полигонный вариант РЛС на площадке № 8 только начинал строиться, строительную площадку украшал многоочковый солдатский сортир с заботливым призывом над входом: «Воин, переложи пропуск в гимнастерку». Жалко, что нельзя было фотографировать.

Из Приозерска в Алма-Ату мы летели вместе с главкомом этого прибалхашского государства в государстве генералом К. в его личном самолете-салоне. По моему, это был АН-24. Хвостовая часть самолета предназначалась для размещения «Волги», а остальная – представляла собой собственно салон, в креслах которого за столом разместилось высокое начальство – генерал К. и Слока, а чуть сзади на диванчике – ординарец генерала майор-казах и ваш покорный слуга. Генерал К. летел на заседание казахского ЦК, членом которого он, разумеется, был, а затем в Москву со своим годовым отчетным докладом на военном совете. Этого военного совета он, похоже, побаивался, весь полет подзубривал свой доклад по бумагам, которые ему подтаскивал ординарец и жаловался Слоке на тяготы генеральской жизни, «о которых вы, ученые, и представления не имеете. Вот, к

примеру, в прошлом году, прилетаю на военный совет. С утра сижу в приемной. Время от времени в зал совета вызывают из приемной то одного, то другого генерала. Я сижу час, два, три... Наконец не выдерживаю, подхожу к дежурному генералу, и тихо так спрашиваю: «Не знаете ли, когда меня слушать будут?» А он в ответ громко так, на всю приемную: «Тебя слушать? Тоже мне, соловей нашелся... Тебя сюда е...ть вызвали, а не слушать. Сиди и жди». Слока сочувственно, с пониманием таких тягот жизни, поддерживал разговор...

Айзин. Как и Стручев, наградой отмечен не был. Зато сейчас в «Вымпелкоме».

Иванцов и Лосев получили свои награды за создание РЛС «Дарьял» – той самой «Габолинской РЛС», о которой в последние годы много говорят в СМИ. Иванцов – Главный конструктор РЛС, а Лосев – его заместитель и разработчик передающей системы.

...Как-то, спустя почти десять лет от описываемых событий, в прекрасный летний день 2007 года у нас состоялся пикничок на одном подмосковном водохранилище.

Хорошая получилась встреча....

Вот на снимке Виктор Иванцов держит в руках толстую книгу – энциклопедию «Радиолокация России», к изданию которой он и Лосев были причастны. Это их подарок мне. Там упомянуты многие наши общие знакомые. Листая книгу, есть что вспомнить...

Вернемся, однако, назад, в драматические 90-е годы, времена фактического банкротства РТИ, его приватизации и преобразования в АО, зарождение «Вымпелкома». Поведение дирекции РТИ по отношению к новым реалиям нашей жизни и, особенно, по отношению к «Вымпелкому», было временами не слишком адекватным.

Чуть раньше «Вымпелкома» рождалась и АФК «Система». Наши пути-дороги причудливо переплетались... Было краткое время любви, о котором вспоминаю с благодарностью... Были неожиданные, обидные и немотивированные нападения на «Вымпелком»... Очень опасные для нас нападения...

Однако в конечном итоге мы выжили. И отношения давно нормальные. А с моей стороны, так и вообще романтично-ностальгические. В нормализации этих отношений позитивную роль сыграл один улыбчивый добрый молодец из АФК, с которым мы впервые свиделись, кажется, зимой 95–96 года. Это был Саша Гончарук. Выяснение отношений проходило несколько раз у меня в кабинете, затягивалось за полночь. При

этом на двоих опустошалась бутылка коньяка. Сейчас я себе подобные удовольствия могу доставить только в воспоминаниях.

Я человек не завистливый, но Евтушенкову я тогда позавидовал, что у него есть такие сотрудники. Этот повод для зависти был у меня единственным. Во всем остальном я ему не завидую. Сейчас в особенности, как, впрочем, и почти всем нашим бизнесменам.

Александр Юрьевич Гончарук уж никак не похож на голубя мира с пальмовой веткой в клюве. Тем не менее, тогда, в результате посиделок с коньяком, все выяснили и нашли приемлемые компромиссы. На тот момент. А затем были долгие годы азартной конкуренции. За это время тоже было всякое...

Симпатии к Гончаруку требуют помещения в этом тексте его фото. По причине отсутствия у меня снимков тех времен, помещаю фото, сделанное спустя примерно десять лет после упоминаемых событий – 27 марта 2006 года на его 50-летнем юбилее. Мне кажется, что он за эти годы мало изменился.

...Ну а сколь-либо подробно описывать те драматические времена надо не с моими талантами... Может, Боев, который будет вскоре упомянут, это когда-нибудь сделает. Давно обещал...

В этом месте почему-то вспомнились слова не помню кого, но хорошего поэта: «...Времена не выбирают, в них живут и умирают».

После Мурина на нашей территории появился еще один институт – МРТИ и еще один директор – Алексей Аркадьевич Кузмин. Может быть, те, кто работал вместе с А.А., знают его недостатки, которые имеются у него, как у всякого человека. Так, смутно вспоминаю, что кто-то из его близких сотрудников с раздражением говорил, что Кузмин больше любит и умеет общаться с осциллографом, чем выполнять функции директора. Какая-то не очень красивая история была с выдвиганием в членкоры М.Л. Левина. Я же много лет имел счастье общаться Алексеем вне стен института и в неформальной обстановке. Обаятельный, компанейский, умный, интеллигентный человек. Вот это его фото сделано, кажется, в Гудаури. Лучший советский горнолыжный курорт. Начало 80-х годов.

А следующие два снимка – это Чегет. Конец семидесятых годов. В гостинице «Чегет» отмечают сразу два дня рождения – Кузмина и Айзина. Это не один день готовилось; получилось потрясающе. Участники запомнили на всю жизнь.

Одним из авторов «капустника» был научный сотрудник отдела приемников РТИ Юлий Либ. На снимке он на заднем плане. Исполняет случайный поцелуй.

Толковый парень и наш товарищ Либ в 1992 году эмигрировал, сейчас живет в Лос-Анжелесе. Насколько мне известно, его жизнь в США вполне удалась.

Вот снимок из его московской квартиры в день проводов и стих Олега Славинского.

На отъезд Ю.Н.Либа

Командирует Вас Отчизна
Туда, где все угнетены,
Нести идеи коммунизма
В стан поджигателей войны.

Вас встретит капитала царство,
Где доллар, словно флаг в руке.
Мы ж остаемся в государстве
С названьем кратким СНГ.

Но если в мире чистогана
Решат внезапно бить жидов,
То край наш, бедный и засранный,
Обратно Вас принять готов!

1992

В МРТИ следующим после Кузмина директором стал Геннадий Иванович Бацких. К этому времени наши пути-дороги уже здорово разошлись. Хочу показать несколько поз Гены Бацких из далеких 60-х годов, когда нашим директором был еще Минц, когда все мы работали еще в едином институте и организовали в Серебряном Бору водно-лыжную секцию, о которой я уже упоминал. Между прочим, на катер-буксировщик нам потом удалось поставить двигатель, снятый с минцевского «ЗИМа».

А на верхнем снимке в катере и мой сын виднеется. Господи, как молоды мы были, как нам было хорошо!

Вернемся к директорам РТИ.

После того, как РТИ превратился в акционерное общество, моего ровесника Слоку заменили в директорах на молодое дарование Сергея Боева. Во время замены власти в РТИ я оказывал некоторое влияние на эти процессы, так как «Вымпелком» был владельцем заметного пакета акций РТИ. Как эти акции оказались в распоряжении «Вымпелкома» и как потом из наших рук уплыли – тема отдельного драматического произведения.

Мне кажется, что Боев – адекватная фигура. На сцену выходит совсем другое поколение. Флаг им в руки и дай им Бог. Вот он у меня в гостях – в кабинете президента «Вымпелкома». В здании, которое когда-то принадлежало РТИ. Год, наверное, 2000-й.

В один из таких визитов весной 2001 года Сергей презентовал мне по случаю дня рождения и как старому арбатскому жителю, своё стихотворение. Ранее я за Боевым поэтическими талантами не знал. Стихотворение мне нравится, поэтому его здесь и воспроизвожу.

Прогулка по Арбату.

Д. Зимину.

Сквозь тополиный пух весны,
Другие знаки и приметы
Мы возвращаемся, как в сны,
В себя и юность незаметно.

Сквозь миражи прошедших лет
Увидеть молодую маму,
Которая с тобой конверт
Несет от дома Грауэрмана.

Пройти от «Праги» напрямик
И повернуть на Сивцев Вражек,
Чтоб на углу, как сфинкс, возник
Твой дом, все также строг и важен.

Узнать знакомое окно,
Подъезда теплые ступени,
И не поверить, что дано
Друзей узнать ушедших тени.

Понять не принятое раньше,
Принять неправду правоты,
Быть может потому, что старше
С тобой сегодня стали мы.

А может оттого, что беды,
И стыд, и горечь поражения,
И наши громкие победы
Нас не свели до разрушенья.

И в миг, когда кусали губы,
Позор страны, приняв как свой,
Мы понимали, что подсудны
За танк у Праги. У другой.

Мы шли с тобою по Арбату,
По тонкой ниточке в судьбе,
И так хотелось, чтоб с закатом
Мы от себя пришли к себе.

апрель 2001 года.

*С благодарностью
исполнил им задание!
чувствительность и свобода!*
С. Боев
24.04.01.